

В. И. МАЖУГА

ЛАТИНСКАЯ ОРФОГРАФИЯ ДОКУМЕНТОВ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ПАДУИ.

(К изданию актов Падуи конца XIII—XIV в.)¹

Документы средневековой Падуи на латинском языке содержат множество орфографических аномалий, которые до настоящего времени не получили систематического объяснения. Ввиду большого количества описок и ошибок, допущенных нотариями, что к тому же часто усугубляется неразборчивостью почерка, при подготовке издания падуанских актов из собрания Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР возникла особая необходимость в выработке новых строгих критериев как для верного различения ошибочных и закономерных, хотя и своеобразных, написаний, так и для правильной передачи неясных написаний. Итальянские ученые, предпринимавшие издание такого рода документов, при подготовке транскрипций опираются в основном на большой эмпирический опыт, накопленный поколениями издателей и исследователей латинских текстов средневековой Италии. Адресуя издания документов непосредственно читателям, знакомым с латинской письменностью средневековой Италии, они обычно оставляют без пояснений все своеобразные написания. Издатели «Актов Падуи» не могли пойти по этому пути.

При анализе орфографических аномалий было обнаружено, что в отступлениях от графической нормы есть свой порядок, который определен особенностями латинского произношения средневековой Падуи. Это позволило, не перегружая аппарат издания, дать общее пояснение основным видам орфографических аномалий, содержащихся в публикуемых текстах. В настоящей статье мы изложим наблюдения, на которых была основана принятая в издании интерпретация своеобразных написаний.

Орфография падуанских документов занимает как бы срединное положение между строгой ученой латинской орфографией, которую

¹ Акты Падуи конца XIII—XIV в. в собрании Академии наук СССР / Подг. текстов Е. Ч. Скржинской, А. М. Кононенко и В. И. Мажуги. Под ред. чл.-кор. АН СССР В. И. Рутенбурга. Л., 1987.

представляют за малыми исключениями, например, акты, написанные в Падуе епископскими нотариями (д. 19, 35, 46—49),² и орфографией итальянской письменности, ориентированной на живое произношение. Нотарии старались соблюдать в определенных пределах норму латинского правописания, унаследованного от античности, но одновременно руководствовались и нормой принятого в Падуе XIII—XIV вв. латинского произношения. Они упрощали орфографию там, где упростились сами сочетания латинских звуков, а с другой стороны, по-новому комбинируя знаки латинского письма в соответствии с их изменившимся фонетическим значением, старались по мере необходимости подчеркнуть отличительные свойства латинского произношения там, где латинский звук мог быть сохранен только при вполне определенном способе произношения. В этих комбинациях несколько букв, главным образом с, р, h, получают функцию диакритических знаков. Намеренное или бессознательное отражение на письме особенностей латинского произношения составляет в падуанских актах особую систему орфографии со своим, как уже было сказано, внутренним порядком. Однако она нигде полностью не заменяет более строгое латинское правописание и лишь сосуществует с ним, так что, например, диакритические знаки используются только от случая к случаю как знаки усилия в артикуляции проговаривающего свой текст нотарию или как своего рода вехи для будущего правильного прочтения документа вслух.

Система, условно говоря, фонетического письма, применяемая в падуанских документах XIII—XIV вв., как и вообще орфография латинской деловой письменности Италии этих столетий, насколько нам известно, до сих пор по-настоящему не привлекала внимания ученых и систематически не изучалась. Для ее раскрытия поэтому необходимо обстоятельно рассмотреть каждое отдельное явление, выступающее как элемент этой системы. Здесь мы сосредоточим внимание на наиболее характерных случаях упрощения латинской орфографии и на примерах употребления вставных диакритических знаков.

Корни тех явлений в орфографии и фонетике, которые мы будем рассматривать, уходят в далекое прошлое латинской письменности средневековой Италии. В известной мере их удастся проследить на основе работ о фонетической эволюции латинского языка в поздней античности и раннем средневековье и работ о начальном развитии романских языков. Это важно сделать в нашей статье, так как, представив элементы рассматриваемого нами фонетического письма в их генезисе, мы дадим более убедительную оценку явлениям, наблюдаемым в орфографии падуанских актов. Таким образом, оказывается возможным, кроме того, связать наше исследование с существующей в науке традицией изучения исторической эволюции латинской орфографии и фонетики.

² В скобках указываем номера документов в издании и в случае необходимости — страницы издания.

Большое значение для нашего исследования имеют наблюдения С. Кисса об изменениях в слоговой структуре поздней латыни (II—VII вв.).³ В многочисленных аномалиях графики позднеантичных и раннесредневековых надписей он усматривает одну общую тенденцию к раскрытию слога или, иначе говоря, к превращению закрытых слогов в открытые. Этим явлением оказались в первую очередь затронуты смычные согласные. Со II—III вв. учащаются случаи их выпадения на конце слога, прежде всего в интервокальных сочетаниях согласных, через которые проходит слогораздел, и в сочетаниях на конце слова: *ct*, *pt*, *mpt*, *nct*, *cs*, *ps*.⁴ С III в. Кисс наблюдает как один из видов ослабления артикуляции конечного согласного ассимиляция смычного согласного в конце слога начальному согласному следующего слога: *pt* > *tt*, *ct* > *tt*, *ps* > *ss*, *cs* > *ss*.⁵ Но господствующей тенденцией в позднеантичной латыни вслед за Лаусбергом Кисс считает переход смычных согласных на конце слога в спиранты, т. е. звуки с неполной смычкой артикулирующих органов: *pt* > **φt*, *ct* > **χt*, *cs* > **χs*.⁶

Тенденцию к превращению закрытых слогов в открытые Кисс усматривает, кроме того, в наметившемся уже в поздней латыни сокращении удвоенных согласных, в их переходе в простые одиночные, а равно и в эволюции сочетаний согласных звуков *c* и *u* в гиае.⁷ Действие отмечаемой в работе Кисса тенденции обнаруживается и в дальнейшей судьбе романских языков. Б. Мальберг отводит ей решающую роль в фонетическом развитии французского, испанского и в определенной мере итальянского языков.⁸

Не менее интересен и тот материал надписей, собранный Киссом, которому сам исследователь не дает объяснений в рамках своей основной концепции. Для истолкования орфографических аномалий падуанских документов существенное значение имеет пример замены в одной из римских надписей VII в. сочетания *ct* сочетанием *pt*: *Optavianus*.⁹ Переход горланного [k] в губной [p] характерен для фонетической эволюции румынского языка. Лаусберг раскрывает его как процесс постепенной спирантизации, лабиализации и отвердения: *ct* > *χt* > *φt* > *pt*. Причем как на живой пример соответствующего звена *φt* он указывает на соответствующие формы в албан-

³ *Kiss S. Les transformations de la structure syllabique en latin tardif. Dehrecen, 1972. 117 p.*

⁴ Например, в написаниях: *Otavus, otimi, sumtibus, cunti (=cuncti), visit (=vixit), conius, ples (=plebs), scrisi (=scripsi)* (*Kiss S. Les transformations. . . P. 28; cf. p. 71*).

⁵ *Kiss S. Les transformations. . . P. 32, 71—72.*

⁶ *Ibid. P. 72—74.* — К этим сочетаниям можно добавить и сочетание *ps* > *φs*. Ср.: *Lausberg H. Romanische Sprachwissenschaft. II. Konsonantismus. Berlin, 1956* (далее: *Lausberg II*). § 427—433, 436—442; *Hall R. A. Proto-Romance Phonology. New York; Oxford; Amsterdam, 1976. 4. 32. P. 197—198; Väänänen V. Introduction au latin vulgaire. Paris, 1981. § 123; Tekavčić P. Grammatica storica dell'italiano. Vol. 1. Fonematica. Bologna, 1972. § 291.*

⁷ *Kiss S. Les transformations. . . P. 74—82, 93—96.*

⁸ *Malmberg B. La structure phonétique de quelques langues romanes // Orbis. 1962. T. XI. N 1. P. 155—156, 168, 174.*

⁹ *Kiss S. Les transformations. . . P. 28.*

ском языке.¹⁰ Есть основания думать, что тенденция, по-настоящему реализовавшаяся только в румынском языке, первоначально действовала в гораздо более обширном регионе. Судя по наблюдениям В. Вянянена, она оставила след даже во французском языке.¹¹

Ряд написаний, форму которых Кисс определяет как обратную графическую трансформацию (*graphies inverses*), представляет примеры отражения усиленной артикуляции писавшим надпись человеком тех звуков, которые были подвержены ослаблению в живой речи. Так, написанию *visit* (= *vixit*) противостоят написания: *vixxit*, *vicxit*, *visxit*, *vixsit*.¹²

Ослабление артикуляции согласных в конце слога, которое наблюдает Кисс, в сущности было хотя и важной, но лишь одной стороной общего процесса ослабления артикуляции согласных. Одиночные глухие согласные в положении между гласными переходили в звонкие, смычные согласные переходили в щелевые и затем часто вообще выпадали и т. д. Дальнейший этап эволюции согласных в Италии VII—IX вв. изучен на материале письма документов и рукописей юридического содержания в работах Политцер и Б. Лефстедта.¹³ Для нас важны и некоторые общие наблюдения этих авторов. Они показывают, что орфографические аномалии в письме изученных ими документов и рукописей следует объяснять главным образом особенностями произношения нотариусов и переписчиков рукописей. Лефстедт, в частности, отмечает, что, транскрибируя один и тот же текст, переписчики демонстрируют большие различия в орфографии и настолько свободно относятся к орфографии оригинала, что о ней невозможно судить по копии. Различия в написании он связывает с различиями в произношении и уровне грамотности.¹⁴ Для верной оценки той связи, которая существовала между орфографией средневековых рукописей и свойствами живого латинского произношения, необходимо иметь в виду и другое общее наблюдение Лефстедта, которое он разделяет с В. Вяняненом и Г. Ф. Муллером, а именно, что многие фонетические тенденции, реализовавшиеся в одних романских языках, а в других не оставившие заметного следа, первоначально представляли общероманское явление.¹⁵

Относительно эволюции согласных названные авторы отмечают, что переход глухих интервокальных согласных в звонкие становится определяющей чертой фонетического развития романского языка на севере Италии начиная с VII в.¹⁶ Наряду с этим на основе наблю-

¹⁰ Lausberg II. § 431; cf.: *Rohlf's G. Historische Grammatik der Italienischen Sprache*. Bd. I. Lautlehre. Bern, 1949 (далее: Rohlf's). § 258. S. 427. Anm. 2.

¹¹ *Väänänen V. Introduction*. . . § 123.

¹² *Kiss S. Les transformations*. . . P. 28.

¹³ *Politzer F. N., Politzer R. L. Romance trends in 7th and 8th century latin documents*. Chapel Hill, 1953. P. 12—13; *Löfstedt B. Studien über Sprache der langobardischen Gesetze*. Uppsala, 1961. S. 115—182.

¹⁴ *Löfstedt B. Studien*. . . S. 206—207.

¹⁵ *Ibid.* S. 210. — Ср. выражение той же мысли у Кисса: *Kiss S. Les transformations*. . . P. 73.

¹⁶ *Löfstedt B. Studien*. . . S. 136—149; *Politzer F. N., Politzer R. L. Romance trends*. . . P. 13.

даемых им орфографических аномалий Лефстедт прослеживает переход в спиранты звонких согласных *b, g* и *d*.¹⁷ Исключительно ценно для нас одно наблюдение Лефстедта. Оно приводит к выводу о том, что по своеобразным написаниям в раннесредневековых рукописях можно судить не только об общей фонетической эволюции поздней латыни и романских языков, но и об особом произношении людей, писавших по-латыни, о приемах артикуляции, служивших сохранению фонологической системы латинского языка в среде грамотных людей. Речь идет о эпентезе *r*, прежде всего в написании *indempnis*. Опираясь на наблюдения Ж. Мийярде, Лефстедт считает, что эпентеза *r* препятствовала уподоблению *m* другому носовому звуку — *n*.¹⁸ Он приводит веские доводы в пользу того, что знак *r* в сочетаниях *mrt*, *mri* передавал некоторый переходный звук (глайд) реального произношения.¹⁹ Глайд в сочетании *mri*, по мнению Лефстедта, отличал речь образованных людей.²⁰ Отметим, что эпентезу *r* в сочетании *mri* Лефстедт не наблюдает в итальянских рукописях ранее VIII в., самый ранний пример он находит в грамматической рукописи известной ирландской монашеской колонии Боббио.²¹

Материалы В. Функе, исследовавшего, как и Политцер, по публикации Л. Скьяпарелли язык грамот лангобардской Италии (оригиналов VII—VIII вв. и копий, написанных в близкий им период), могут служить существенным подкреплением соображениям Лефстедта относительно фонетического содержания эпентезы *r* и вместе с тем позволяют уточнить и дополнить их.²² Функе отмечает, что в изученных им документах эпентеза *r* в сочетании *mri* встречается редко, так что о существовании настоящей традиции написаний с эпентезой в этом сочетании в рассматриваемый Функе период, по-видимому, говорить невозможно.²³ В то же время ввиду обилия в лангобардских документах орфографических аномалий, определяемых фонетическими явлениями, естественно думать, что написание *mri* отражало реальное произношение.²⁴

При виде написаний *contemptus* вместо *contentus*, *volumptate* вместо *voluntate*, *volumptariae* вместо *voluntarie*, которые приводит Лефстедт,²⁵ возникает сомнение, действительно ли эпентеза *r* слу-

¹⁷ *Löfstedt B. Studien...* P. 149—164; cf.: *Väänänen V. Introduction...* § 107—108.

¹⁸ *Löfstedt B. Studien...* S. 175—179; cf.: *Millardet G. Linguistique et dialectologie romanes.* Montpellier, 1923. P. 290—297.

¹⁹ *Löfstedt B. Studien...*, S. 179.

²⁰ *Ibid.*

²¹ *Ibid.* S. 178. Anm. 4. — В изданиях классических авторов попали написания *dampnum*, *solempnis* и другие, но в надписях они не встречаются. Историки латинского языка относят их на счет средневековых переписчиков. Ср.: *Тронский И. М. Историческая грамматика латинского языка.* М., 1960. § 244.

²² К сожалению, для нас осталось недоступным само издание Скьяпарелли: *Codice diplomatico longobardo / A cura di L. Schiaparelli.* Roma, 1929—1933. Parte 1—2.

²³ *Funcke W. Sprachliche Untersuchungen zum Codice Diplomatico Longobardo.* Bochum, 1938. S. 16.

²⁴ Ср.: *Ibid.* S. 1, 4—5, 8—10.

²⁵ *Löfstedt B. Studien...* S. 175.

жила всегда лишь поддержанию артикуляции *m*, как это утверждают Мийгарде и Лефстедт. Если иметь в виду носовой звук, слабый, как отмечает сам Лефстедт, в сочетании *nt*, то скорее можно думать, что эпентеза *p* была вызвана особой артикуляцией, способствующей сохранению вообще носового звука.²⁶ Не исключено и то, что эпентеза *p* поддерживала артикуляцию и следующего глухого смычного звука *t*. По всей видимости, ее функция была более универсальной. В этом убеждают примеры эпентезы *p* перед интервокальным *t* в написаниях, приведенных Функе, *legiptimus*, *tradiptorem*, а равно и замена удвоенных согласных сочетаниями *pt* и *ps* в им же отмеченных написаниях *arptentatur* и *abbatipsa*.²⁷ Если попытаться представить, какой реальный звук стоял за знаком *p* в сочетаниях *pt* и *ps*, то, очевидно, следует исходить из фонетической реконструкции этих сочетаний, предложенной Лаусбергом применительно к поздней латыни, — *ϕt* и *ϕs*, т. е. представляется наиболее вероятным, что эпентетическое *p* произносилось как глухой губной спирант.²⁸

В параллель эпентезе *p* можно поставить два примера написания *erediccate* вместо *hereditate* (Рим, конец V в.), которые приводит Кисс, и случаи замены знаком с первого элемента геминаты *tt* в написаниях, отмеченных Функе: *repromicto*, *demictendi*.²⁹ Похоже, что добавочное *s* в первом написании и замена *t* на *s* в двух последних отражают особенности реального и притом сходного произношения глухого смычного *t* (имел ли он в основе латинский одиночный *t* или удвоенный). Исходя из принятой фонетической реконструкции позднелатинского сочетания *ct*, можно с большей долей уверенности предположить, что в приведенных написаниях получил отражение спирант *χ*, которым предварялась артикуляция интервокального *t*.

К сожалению, не всегда можно судить об истинном масштабе того или иного явления по примерам, приведенным в работе Функе. Следует, однако, принять во внимание, что Функе указывает лишь три аномальных написания с сочетанием *ct*,³⁰ а не большее число, как в других случаях. Это обстоятельство в определенной мере свидетельствует, что в лангобардский период эпентеза с подобно эпентезе *p* в сочетании *mpt* еще не стала элементом устойчивой графической традиции.

В ряду таких бессознательных, спорадических проявлений особой артикуляции глухих согласных следует рассматривать, как доказывает Д. Гайссендерфер, и диграму *ch*, неоднократно появляющуюся в обиходной лексике лангобардских документов на месте латинского *c*. Примером своеобразного ее применения могут служить написания: *locho*, *amicho*, *vicho* (= *vico*) и др.³¹ В резуль-

²⁶ Ср.: *Ibid.* S. 121—128.

²⁷ *Funcke W. Sprachliche Untersuchungen...* S. 17.

²⁸ Как свидетельство ослабленной артикуляции *p* в сочетаниях *pt* и *ps* см. примеры написаний с опущенным *p*: *ibid.*

²⁹ *Kiss S. Les transformations...* P. 28; *Funcke W. Sprachliche Untersuchungen...* S. 17.

³⁰ Помимо двух указанных написаний Функе приводит еще четыре примера написания *auctenticum* (*Funcke W. Sprachliche Untersuchungen...* S. 17).

³¹ *Geißendörfer D. Der Ursprung der Gorgia Toscana. Nürnberg, 1964.* S. 72.

тате обстоятельного исследования оригиналов лангобардских документов по публикации Скьяпарелли Гайссендерфер установил, что диграмма *sh* на месте латинского *s* в словах этого рода чаще всего встречается в одной определенной позиции, а именно в положении между гласными. Гайссендерфер отметил 17 случаев такого ее употребления, при этом оказалось, что все примеры сосредоточены исключительно в документах из Лукки, главного центра Тосканы того времени, тогда как североитальянские документы VII—VIII вв. не дают ни одного примера.³²

Для большей части территории современной Тосканы характерно произношение интервокального [k] как спиранта [χ] или аспиранты [kh]. В последние десятилетия в науке все более утверждается мнение, что произношение [k], если не как спиранта, то во всяком случае как аспиранты, восходит в Тоскане еще к этрусскому субстрату.³³ Гайссендерфер обращает внимание еще и на то обстоятельство, что 16 из 17 названных примеров содержатся в документах, написанных, как он утверждает, писцами германцами. Для родного языка лангобардов того периода характерен переход [k] в интервокальном положении в спирант [hh]. В латинском тексте спирант [hh] германских имен передавался диграммой *sh*. Таким образом, для писцов германцев было естественным передать этой привычной для них графемой звук латинской речи, близкий звуку их родного языка.³⁴

В оригиналах тосканских документов лангобардского времени Гайссендерфер отмечает только два случая замены с диграммой *sh* в начале слова (в написаниях *chonsoribus* и *charitulo*) и пять случаев такой замены с в положении после согласной (в четырех из них после *n*).³⁵ Аспирированное произношение [k] в сильной позиции, которое А. Кастеллани определяет как эмфатическое, отмечается в современной Флоренции.³⁶ Кастеллани считает даже, что такое произношение [k] в сильной позиции было наиболее типичным в средние века и уже без видимых оснований утверждает, что именно на его основе развился аспирированный интервокальный [kh].³⁷ Гайссендерфер в свою очередь доказывает на основе аналогий с латинскими написаниями германских имен и названий, что за диграммой *sh*, употребленной в лангобардских документах для обозначения латинского *s* в сильной позиции, стоял аспирированный звук.³⁸

В отношении функции эпентезы *r*, *s* и *h* можно сделать в равной мере одно общее предположение. Добавочные буквы служили знаком

³² Ср. подобные же наблюдения А. Кастеллани: *Castellani A. Lingua parlata e lingua scritta nella Toscana medievale // XIV Congresso internazionale di linguistica e filologia romanza : Atti. Napoli; Amsterdam, 1978. Vol. 1. P. 458.*

³³ *Tekavčić P. Grammatica. . . § 221; cf.: Castellani A. Precisazioni sulla Gorgia Toscana // Actas do IX Congresso internacional de linguistica romanica. Lisboa, 1961. II. P. 256—257.*

³⁴ *Geißendörfer D. Der Ursprung. . . S. 80—84.*

³⁵ *Ibid. S. 73.*

³⁶ *Castellani A. Precisazioni. . . P. 241—243.*

³⁷ *Ibid. P. 256—257.*

³⁸ *Geißendörfer D. Der Ursprung. . . S. 82—83.*

такого произношения, при котором сохранялись основные отличительные свойства латинской фонемы и которое в то же время противостояло определенной тенденции протороманского языка, вызвавшей изменение природы звука и ведшей к утрате в той или иной мере его фонологической функции, будь это ассимиляция носовых звуков *m* и *n* или переход глухих согласных в звонкие. В этом убеждает дальнейшая судьба латинского интервокального сочетания *pt* в романских языках и диалектах к западу от линии Специя—Римини, иначе говоря, в Западной Романии, где оно дало, за исключением Прованса, простой глухой звук *t*, тогда как латинский одиночный интервокальный *t* перешел в звонкий *d* или выпал.³⁹ Более сложную судьбу имело сочетание *ct*, о чем мы еще скажем ниже, но во многих регионах Западной Романии, в том числе в Падуанской области, результат его эволюции в отношении согласного *t* был таким же, как и результат эволюции сочетания *pt*.

Тенденция к превращению глухих интервокальных в звонкие заслуживает здесь особого внимания. Она выступает как заметное явление с V—VI вв., а ее региональные формы, как уже было отмечено, отчетливо обозначаются в VII—VIII вв.⁴⁰ Эта тенденция имела большое значение для судьбы романского языка не только на севере Италии, где все одиночные интервокальные глухие согласные перешли в звонкие или выпали, но и в центральных, а отчасти и южных областях Италии, где эти согласные претерпели так называемое смягчение (*lenizione*).⁴¹ В свое время явление озвончения глухих согласных глубоко затронуло и Тоскану, что отразилось в форме многих слов.⁴² Более других согласных уже в поздней латыни был подвержен переходу в звонкий звук латинский глухой *s*, причем не только в интервокальном положении, но и в начале слова.⁴³

Имея в виду силу общей тенденции к превращению глухих согласных в звонкие, Д. Контини и У. Л. Фигге объясняют как реакцию на эту тенденцию само происхождение особого тосканского произношения глухих интервокальных согласных *s*, *t* и *p* в виде спирантов *χ*, *θ*, *φ* или аспирата *ch*, *th*, *ph*.⁴⁴ Трудно, однако, согласиться с Контини в том, что это своеобразное тосканское произношение глухих согласных возникло довольно поздно. Представляется более правдоподобным, что, например, аспирата [kh] звучала в языке Тосканы в той или иной мере уже в раннем средневековье, и нет никакого противоречия между этим вероятным обстоятельством и выдвиге-

³⁹ Lausberg II. § 428.

⁴⁰ См.: Väänänen V. Introduction. . . § 106; Löfstedt B. Studien. . . S. 142.

⁴¹ Ср.: Tekavčić P. Grammatica. . . § 225.

⁴² Rohlfs. § 151; Contini G. Per un' interpretazione strutturale della cosiddetta «Gorgia» Toscana // Actas do IX Congresso. . . P. 276—279; Figge U. L. Die romanische Anlautsonorisation. Bonn, 1966. S. 366—372.

⁴³ Rohlfs. § 151; Contini G. Per un' interpretazione. . . P. 276—279; Löfstedt B. Studien. . . S. 144—145.

⁴⁴ Contini G. Per un' interpretazione. . . P. 279; Figge U. L. Die romanische Anlautsonorisation. S. 395—421.

нием аспирированного [k] в качестве альтернативы переходу глухого латинского с в звонкий g.⁴⁵

Итак, в рукописях и документах лангобардского периода эпентетические знаки с, р и h выступают в основном еще как бессознательное отражение определенного способа произношения, а вместе с тем, по нашему предположению, и той альтернативы, которую он представлял сугубому искажению латинских звуков под действием общих фонетических процессов. В последующем они приобретут самостоятельную функцию диакритических знаков, указывающих на характер артикуляции, и, таким образом, падуанские нотариусы будут во многих случаях сознательно нарушать норму строгой латинской орфографии, руководствуясь желанием передать на письме особенности того латинского произношения, которое считалось правильным. Думается, это оказалось возможным благодаря тому, что с течением времени наиболее важные для деловой письменности Италии термины, правильное латинское произношение которых поддерживалось с особым упорством, все более обрастали эпентетическими знаками, так что в конце концов новая их форма утвердилась как вполне нормальная. Как пример можно привести обычные для падуанских документов формы трех слов, одно из которых обозначает приданое (его мы берем в форме родительного падежа), второе — убыток, понесенный потерпевшей стороной, а третье — законосообразность правового акта: *dotis* (= *dotis*), *dampnum* (= *damnum*), *solempnis* (= *solempnis*). Новая форма слова могла получить преобладание, но никогда не вытесняла старую латинскую форму полностью. Этот разнобой в орфографии наиболее важных слов, очевидно, и давал повод для широкого, свободного пользования отдельными буквами как диакритическими знаками.

На основе наблюдений отдельных ученых можно составить приблизительное представление о том, когда и в каких условиях сложилась в деловой письменности Северо-Восточной Италии достаточно законченная система графической передачи отличительных особенностей латинского произношения. Так, Ф. Блатт отмечает, что эпентеза р в сочетании *trp* внедряется заметным образом в графику рукописей в посткаролингский период.⁴⁶ Если принять во внимание, что эта эпентеза, как доказывает Лефстедт, отличала речь грамотных людей и что ее отражение на письме имело сравнительно недавнюю традицию, то в судьбе эпентезы р можно усмотреть действие сознательной воли, направленной на восстановление и поддержание более строгого латинского произношения. Все более частое употребление знака эпентезы р представляло в известном смысле уже и последовательную перестройку орфографии.

Пример с эпентезой р в сочетании *trp* может быть поставлен в один ряд с другими важными явлениями, которыми ознаменовалась

⁴⁵ Ср. современный пример сосуществования разных видов артикуляции с в произношении одного и того же человека: *la asa*, *la çasa*, *la kasa* (*Castellani A. Precisazioni*. . . P. 257—258).

⁴⁶ *Blatt F. Sprachwandel im Latein des Mittelalters // Historische Vierteljahrsschrift*. 1933. Bd 38. H. 1. S. 37. Anm. 104.

история письменной культуры и литературного языка в период с конца VIII по XI в. Вспомним, что реформа латинской орфографии, имевшая целью восстановить строгое правописание в монастырских и церковных скрипториях, а равно и насаждение искусства правильного чтения вслух литургических текстов, была важнейшей частью культурных преобразований, осуществленных Карлом Великим и его сподвижниками.⁴⁷ Судя по всему, в ту эпоху наметилось определенное упорядочение латинского произношения и в среде итальянских нотариусов. Все тот же знак эпентезы *r* в сочетании *trp*, возможно, раньше всего вошел в широкое употребление именно в сфере деловой письменности, ведь слова, форму которых он стал определять (*damnum, dampare, condemnare, solemnis, calumnia* и др.), принадлежали к сфере юридической лексики. Вместе с тем орфография итальянской деловой письменности в своем развитии разошлась с орфографией церковной латыни и в известном смысле разделила судьбы нарождавшейся в то время письменности на новых романских языках.

В науке последних десятилетий все более утверждается представление, что основные элементы ранней романской орфографии были выработаны в латинской раннесредневековой письменности, в той или иной мере приближенной к живой народной речи, которая уже в средние века получила определения *iuxta rustitatem* или *latinum circa romanum*.⁴⁸ В памятниках латинской письменности этого типа исследователи наблюдают, как постепенно вырабатывались новые графические символы, с помощью которых передавались особенности живого произношения. Ф. Сабатини среди прочих символов этого рода отмечает устойчивые сочетания знаков *tz* (история этого символа восходит еще ко II в.) и *cz* как обозначения аффрикаты [ts]. Первый элемент этих сочетаний, по словам Сабатини, мог иметь значение диакритического знака, указывающего на усиленную артикуляцию согласного звука, обозначенного следующей буквой; в этой функции *t* и *c* выступают в сочетании и с другими знаками. Сабатини приводит, в частности, такие написания: *atnis (=annis)*, *atnatos (=annatos)*, *Laczago, Zacfiri*.⁴⁹ Из диграммы *cz*, отмечает Сабатини, возник новый знак *ç*, получивший широкое применение в романской письменности. Первый пример его употребления в Италии, в написании *u-deçimo*, Сабатини находит в латинской надписи 848 г. из Кампаньи.⁵⁰

К сожалению, ученые, изучающие раннюю романскую письменность, оставляют вне рассмотрения памятники, написанные более строгой латынью, в сфере которой, как показывают уже примеры

⁴⁷ См. примеры восстановления более строгих норм латинского произношения в каролингское время в кн.: *Norberg D. Manuel pratique de latin médiéval*. Paris, 1968. P. 50—51; cf.: *Wright R. Late Latin and early Romance in Spain and Carolingian France*. Liverpool, 1982. P. 104—112.

⁴⁸ См.: *Avalle D'A. Latino «circa romanum» e «rustica romana lingua»*. Padova, 1965. P. X—XI; *Wright R. Speaking, reading and writing late latin and early romance // Neophilologus*. 1976. Vol. LX. N 2. P. 178—189.

⁴⁹ *Sabatini F. Dalla «scripta latina rustica» alle «scriptae» romanze // Studi medievali*. 1968. IX, 1. P. 333.

⁵⁰ *Ibid.* P. 338.

с эпентезой *r*, рассмотренные Лефстедтом, тоже рождались новые графические символы в соответствии с требованиями собственно латинского произношения. Но как бы то ни было, представляется достаточно очевидным, что способы графической передачи особенностей латинского произношения, которые в наибольшей степени определяют своеобразие орфографии падуанских актов, при всей древности их корней в основном были выработаны в эпоху рождения романской письменности, в пору новых успешных опытов фонетического анализа и появления новых стойких графических символов. Обратимся к падуанским актам XIII—XIV вв.

Приведем сначала один пример, который убедительно свидетельствует о применении в латинской деловой письменности средневековой Италии особых графических символов, с помощью которых передавались отличительные свойства латинского произношения. Для латинского слова *cancelaria* в пяти случаях из шести, в которых оно употреблено, падуанские нотариусы применяют графему ζ : *cancelaria*. По общим законам фонетической эволюции романского языка на севере Италии звук [ts], образовавшийся в раннем средневековье на месте латинского *s* перед гласным переднего ряда, в интервокальном сочетании [nts] должен был утратить смычный элемент либо перейти в межзубный спирант θ , что характерно для падуанского диалекта. Применение графемы ζ означало уподобление артикуляции звука [ts] характерной для средневековой Падуи артикуляции сочетания *cts* в середине слова, что, как можно показать на основе сходных примеров, содержащихся в документах Падуи, должно было предотвращать нежелательные изменения звука [ts].

Подобные примеры можно было бы умножить, но мы остановимся лишь на наиболее типичных особенностях орфографии падуанских документов, причины которых кроются в свойствах латинского произношения Падуи XIII—XIV вв. Прежде всего следует отметить, что графика падуанских актов очень часто показывает то самое выпадение замыкающих слог смычных элементов латинских сочетаний согласных, которое прослеживает Кисс в графике надписей II—VII вв. С этим явлением связано и столь же частое упрощение геминат, переход на письме удвоенных интервокальных согласных в одиночные, о котором тоже говорит Кисс. Несомненно, сами падуанские нотариусы относились к этим нарушениям орфографии вполне терпимо.

Ряд знаков латинского письма и их сочетания, как уже отмечалось, получили новое устойчивое фонетическое значение вследствие эволюции обозначаемых ими звуков в поздней латыни и в развившемся из нее местном романском говоре, и, таким образом, отдельные сочетания знаков не отличались уже по своему фонетическому содержанию от одиночных знаков, сочетания из трех знаков — от сочетаний из двух знаков. Примеры упрощения на письме сочетаний латинских согласных со смычным элементом и соответствующего нового их фонетического осмысления представлены в табл. 1. Примеры подкрепляются указаниями на параграфы «Романского языкознания» Т. Лаусберга и «Исторической грамматики итальянского языка» Г. Рольфа, подтверждающие приведенные случаи фонетической

Т а б л и ц а 1

Примеры упрощения сочетаний согласных	Те же случаи по Лаусбергу и Рольфсу ^a	Фонетическое содержание как полных, так и сокращенных обозначений латинских сочетаний	Примеры написаний ^b
-ct- > -t-	Л 435; P 258	+t (*χt)	dire<c>tus, pa<c>tum, indu<c>tum
-pt- > -t-	Л 428; P 240	+t (*φt)	scri<p>tum, rece<p>torum
-x(=-cs-) > -s-	Л 439—440; P 225	+s (*χs)	reduci(=reduxi), sesaginta
-x(=-cs-) > -ss-	P 225	+s (ss)	dissit, sessagesimo
-x(=-cs-) > -s	Л 546	+s(*χs)	ses(=sex), iudes (=iudex)
-mpt- > -mt, nt	—	m ⁺ t (*mφt), n ⁺ t	em<p>tor, entor (=emptor)
-pti- > -ci-	P 291	+tsi (*φtsi)	nu<p>cias, encio (=emptio)
-cst- > -st-	—	+st (*χst)	iusta (=iuxta), mistas (=mixtas)

^a В графе приведены номера параграфов. ^b В угловых скобках даны отсутствующие в написаниях согласные.

эволюции (см. выше, примеч. 6, 10), и образцами наиболее показательных написаний. Конкретное фонетическое содержание отмечаемых явлений мы рассмотрим ниже.

В табл. 1 не представлено интервокальное сочетание ps, хотя и в его артикуляции была утрачена отличающая звук p смычка и все сочетание в целом было подвержено переходу в слабый межзубный спирант, но это явление следует рассматривать особо, что мы сделаем в отдельной статье.

На северо-востоке Италии замыкающие слог смычные согласные приведенных сочетаний, т. е. с и p, исчезли из живого произношения, но не бесследно. В падуанском диалекте от них остался особый фонетический стык, который обеспечивал и продолжает обеспечивать в живой артикуляции переход от предшествующего гласного к глухому согласному следующего слога, в то время как одиночные латинские глухие согласные, не предваряемые таким стыком, в интервокальном положении перешли в звонкие, причем смычные согласные частью лишились смычки и перешли в спиранты, частью вообще выпали.⁵¹ Настоящий смысл стыка, возникшего на месте смычных согласных в конце слога, заключался в том, что при ослаблении артикуляции этих согласных вплоть до полной утраты ими самостоятельного звучания сами гласные, образывавшие вершину слога, которые их как бы поглотили, получили новый надежный отступ (иначе определяемый как рекурсия), т. е. в отличие от гласных латинского

⁵¹ См. определение стыка в кн.: Панфилов Е. Д. Фонологические слоги классической латыни. Ч. 1. Односложные словоформы. Л., 1973. С. 7. — О разновидностях фонетического стыка в итальянском языке см.: Hall R. A. La struttura dell'italiano. Roma, 1971. P. 44—47.

открытого слога здесь была сохранена возможность полного завершения артикуляции гласного с выходом органов речи из занятого положения к началу артикуляции следующего согласного звука. В соответствии с принятыми обозначениями фонетический стык в таблице указан знаком +.

Стык может осуществляться главным образом на уровне работы сознания как определенная организация артикуляции, но может представлять собой и самостоятельный элемент артикуляции, т. е. некоторый глайд, иначе определяемый как фонема стыка.⁵² Весьма вероятно, что в падуанском диалекте XIII—XIV вв. стык между гласным и глухим согласным звуком на границе двух слогов, как это свойственно современному падуанскому произношению, мог осуществляться без всякого призвука. Но не менее вероятно и то, что наряду с такой артикуляцией оставалось в силе и произношение с фонемой стыка в виде легкого спиранта, которое Лаусберг и другие ученые усматривают в латыни поздней античности и раннего средневековья. Такой вывод вытекает из реконструкции фонетического развития североитальянских диалектов, предложенной Лаусбергом, и из наблюдений над некоторыми явлениями в графике падуанских актов.

По мнению Лаусберга, на севере Италии спирант χ позднелатинского сочетания χt принял единую палатальную форму. Именно на основе палатального спиранта, считает Лаусберг, в западных областях севера Италии, в Лигурии и Пьемонте, возник в средние века звук i , который составил дифтонг с предшествующим гласным. Как след этого спиранта Лаусберг рассматривает и палатальную форму t' второго элемента сочетания st , которая сохранилась главным образом в говорах на крайнем севере области распространения итальянского языка, а равно и развившуюся на основе t' форму аффрикаты $t\check{s}$, которая характерна для всей центральной части Северной Италии. Как на признак существования палатального спиранта в Северо-Восточной Италии Лаусберг указывает на спорадически появляющуюся в средневековых текстах этой области графему it на месте латинского st , при этом в отличие от средневековых диалектов Лигурии и Пьемонта он не постулирует для Венето, органической частью которого в языковом отношении была область Падуи, саму фонему it .⁵³

Эта осторожность совершенно оправданна. Как показал исследователь средневекового падуанского диалекта Г. Инайхен, старопадуанский диалект отличался стойкостью нисходящих дифтонгов. Если бы для средневекового Венето был характерен переход латинского st в it , то дифтонг, который i образовывал с предшествующим гласным, оставил бы здесь гораздо более заметный след.⁵⁴ Споради-

⁵² Ср.: *Di Piero R. I. Juncture and preservation of voiceless stops in West Romance // Orbis*, 1966. XV, 1. P. 68—72. — См. примеры фонетического стыка в современном венецианском диалекте: *Zamboni A. Veneto*. Pisa, 1980. 1.0.4. (*Profilo dei dialetti italiani*; 5).

⁵³ Lausberg II. § 433—435.

⁵⁴ *Ineichen G. Die Paduanische Mundart am Ende des 14. Jahrhunderts auf Grund des Erbario Carrarese // Zeitschrift für Romanische Philologie*. 1957. Bd 73. S. 86.

ческое появление графемы *it* на месте латинского сочетания *st* в средневековых текстах Веного, как и в памятниках средневековой письменности центральных областей Северной Италии, очевидно, следует объяснять, развивая наблюдения Лаусберга, существованием в то время палатального спиранта, который мог перейти в звук *i* и во всяком случае был близок ему по звучанию. В дальнейшем первый элемент этой графемы, *i*, полностью исчез из письменности как Веного, так и Ломбардии и области Вероны,⁵⁵ что свидетельствует о существенной фонетической перестройке местных диалектов, с которой, возможно, было связано и исчезновение палатального спиранта.

Лишь в одном пункте трудно согласиться с Лаусбергом. Представляется, что он излишне настаивает в отношении Веного на палатальном характере спиранта, в который, согласно его реконструкции, перешел первый элемент сочетания *st*. В отличие от других областей севера Италии последствия палатализации мало заметны в памятниках средневековой письменности Веного и никак не обнаруживаются в его современных говорах. Имеет значение и мнение Инайхена, который полагает, что в формах эволюции латинского интервокального *st*, как и во многих других сторонах фонетического развития, Веного тяготело к консервативной Восточной Романии (*zu konservativen östlichen Romanität gravitiert*), для которой, по утверждению Лаусберга, палатальный спирант был менее характерен.

Правда, сам Инайхен, отрицая переход в *it* как возможный этап эволюции *st* на северо-востоке Италии, вместо этого без должных примеров реконструирует для Веного по аналогии с тосканским диалектом этап ассимиляции с последующей дегеминацией: *ct > tt > t*.⁵⁶ Но, как мы увидим ниже, ассимиляция *st* Веного не свойственна. Столь же искусственное построение с уподоблением Веного одновременно северо-западным областям Италии и Тоскане предлагает П. Текавич.⁵⁷ Однако если принять для Веного возможность третьего, наиболее простого пути эволюции *st*, а именно через этап спирантизации первого элемента непосредственно к простому интервокальному *t* (*ct > xt > t*), то сближение с Тосканой оказывается плодотворным. Для нашей реконструкции падуанского произношения XIII—XIV вв. будет не лишним принять во внимание, например, следующее обстоятельство.

И Лаусберг, и Текавич полагают, что ассимиляции первого элемента сочетаний *st*, *cs*, *pt* и *ps* в Тоскане предшествовал переход с *i* р этих сочетаний в спиранты.⁵⁸ Некоторые написания во флорентийских документах, опубликованных в составе издания «Акты Падуи», заставляют думать, что в тосканском диалекте XIV в. процесс ассимиляции еще не поглотил полностью старые спиранты. Таковы, в частности, написания с эпентезой *s* в итальянском тексте док. 90: *cicta* (<*civitas*), *cictadino*, *tucto* (<*totu-*), *tucti* (<*toti*). Естественно сблизить эти написания с приведенными выше примерами уподобле-

⁵⁵ Rohlfs. § 258. S. 427—428.

⁵⁶ Ineichen G. Die Paduanische Mundart. . . S. 86.

⁵⁷ Tekavčić P. Grammatica. . . § 308.

⁵⁸ Lausberg H. § 427—429, 442; Tekavčić P. Grammatica. . . § 291.

ния одинаково одиночного интервокального *t* и удвоенного *tt* сочетанию *ct* в позднеантичной и раннесредневековой письменности, которое оказывалось возможным, как мы предположили, в силу характерного для того времени произношения *s* в конце слога в виде спиранта *χ* (см. выше, с. 266).

Особое значение для нашей реконструкции имеет наблюдение над одним общим для орфографии падуанских и флорентийских документов явлением, которое, как можно думать, отразило живую трансформацию спирантов. Речь идет о переходе сочетания *ct* в *pt*, который выше мы отметили как проявление важной протороманской фонетической тенденции (см. выше, с. 263). В латинском тексте того же флорентийского документа (№ 90) мы дважды встречаем написание *optuagesimo* вместо *octuagesimo* (с. 216). Для нотариия, написавшего документ, характерны определенные приемы графической передачи особенностей латинского произношения. Например, он пишет: *sumpxi* (= *sumpsi*), *subscripxi*. Вряд ли приведенное написание было простым пережитком старой устоявшейся традиции (заметим, что в другом флорентийском документе, опубликованном в издании «Акты Падуи», № 89, дана правильная латинская форма: *octuagesimo*). Единичный пример перехода сочетания *ct* в *pt* можно было бы объяснить и простой ошибкой нотариия и не принимать его в расчет, но он подкрепляется еще несколькими примерами из падуанских документов.

Написание *sumptas* вместо *sunctas* мы встречаем в документе, написанном нотарием Цанбонетом из Виго д'Ардзере (док. 80, с. 191), который резко выделяется среди своих собратьев прямым отражением стихии живого диалекта в латинском тексте. Подобное же написание *indruptum* вместо *inductum* мы встречаем и у Генгенольфа по прозвищу Цанканела (док. 36, с. 84), нотариия достаточно грамотного и в то же время очень внимательного к особенностям латинского произношения (особенности его орфографии мы еще рассмотрим здесь и в отдельной статье). То же явление лабиализации спиранта (перехода гортанного спиранта в губной) лежит, по-видимому, и в основе написаний *eviptio* и *evircio* вместо *evictio*, которые встречаются в четырех падуанских документах (док. 10, с. 37; док. 24, с. 63; док. 34, с. 80; док. 37, с. 87). Ввиду того что графема *vi* не отличается в оригинале всех четырех документов от *m*, приведенные написания могут быть прочитаны и как *emptio* или *emrcio*. Однако представляется маловероятным, чтобы трое достаточно грамотных нотарииев, написавших эти документы, допустили одну и ту же грубую смысловую ошибку, заменив одно слово другим (т. е. *evictio* на *emptio*) и спутав понятие покупки с понятием отчуждения собственности по суду в пользу третьего лица, права которого не были учтены при сделке. Скорее, здесь следует согласиться с Р. Холлом, который в лабиализации позднелатинского спиранта *χ* усмотрел способ противодействия его палатализации, ведь в слове *evictio* сочетание *ct* предваряется гласной *i*, благоприятствующей палатализации.⁵⁹ Примем во внима-

⁵⁹ *Hall R. A. Proto-Romance Phonology.* 4.33. P. 198; *Lausberg II.* § 430. — Ср. случаи палатализации сочетания *-cti-* в тосканском диалекте: *Rohlf's.* § 291. S. 478.

ние и то, что во всяком случае один из трех нотариев, Франциск, сын Петра Филарола (док. 24), выделяется нарочитым подчеркиванием в письме особенностей живого латинского произношения, например, он часто пользуется диграфной *sh* вместо *s*. Случаев обратного перехода *pt* в *st* в падуанских документах мы не наблюдаем.

Итак, есть основания полагать, что в падуанском диалекте XIII—XIV вв. еще могли звучать спиранты на месте первого элемента латинских интервокальных сочетаний *st*, *pt*, *cs*, *ps*, *pti*, как это было характерно, согласно реконструкции Лаусберга, для латыни протороманского периода. Это еще более вероятно в отношении латинской речи Падуи того времени, для фонологической системы которой имело большое значение сохранение фонем *s* и *r* этих сочетаний хотя бы в форме спирантов ввиду трудности произнесения смычных звуков в конце слога. Ниже мы приведем еще один довод в пользу существования спирантов рассматриваемого вида в Падуе XIII—XIV вв.

Но как бы то ни было, спиранты, предшествовавшие другому согласному, звучали слабо, часто едва воспринимались слухом, а возможно, и вообще исчезали, оставляя после себя фонетический стык без всякой фонемы, как это свойственно современному падуанскому диалекту. Благодаря этому оказывалось возможным уподоблять в произношении ради сохранения их отличительных свойств одиночные интервокальные латинские согласные согласным с тем особым фонетическим стыком в виде спиранта или без него, который обеспечивал правильное произношение второго элемента бывших латинских сочетаний *st*, *pt* и *cs*. Таким образом, согласные в слабой позиции, подверженные ряду фонетических изменений, уподоблялись более стойким согласным в сильной позиции, т. е. в положении в начале слога после согласной или в начале слова. На письме этот прием отражался с помощью знаков эпентезы *s*, *r* и *b* (как варианта эпентезы *p*). Примеры употребления этих знаков представлены в табл. 2. Необходимо отметить, что падуанские нотариусы широко пользовались знаками эпентезы и за немногими показательными примерами, приведенными в таблице, в ряде случаев стоят десятки других примеров.

Представленные в табл. 2 примеры показывают, что в латинском произношении Падуи XIII—XIV вв. действовал особый механизм, который был свойствен в Падуе именно латинскому произношению и благодаря которому оказывалось возможным сохранять латинские интервокальные согласные, прежде всего глухие смычные, смычно-целевые и целевые. Вполне реальный характер и действительность этого механизма подтверждаются тем, что в памятниках ранней романской письменности центральных областей Италии, в частности Тосканы, получили отражение подобные явления, характерные для народной речи. Говоря о вставных знаках *t* и *s* как устойчивых графических символах, выработанных еще в латинской письменности раннего средневековья, Сабатини приводит, например, такие написания, взятые из памятников ранней итальянской письменности: *mat-donna*, *etnizia* (= *ennizia* < *indicia*), *Buonacfedo*, *Acraccia*.⁶⁰

⁶⁰ *Sabatini F. Dalla «scripta latina rustica». . . P. 337—338.*

Таблица 2

Латинские графемы, употребляемые со знаками фонетического стыка (спиранта)	Результат эволюции соответствующих фонем в средневековой Паллау (по Рольфу и Глаусбергу) ^а	Формы новых сочетаний	Фонетическое соотношение новых сочетаний	Примеры написаний ^б
-b-	$b > \begin{matrix} \overset{v}{\beta} \\ \searrow \\ \emptyset \end{matrix}$ (P 215)	-pb-	- ⁺ b-(*-φb-)	seri<p>bendum (д. 23, с. 61; д. 30, с. 73), scri<p>bere (д. 57, с. 143)
-o+i	$k > k' \begin{cases} \nearrow t\check{s} > \check{s} > \check{z} > z \\ \searrow \chi' > \check{s} > \check{z} > z \end{cases}$ (Л 388—390; P 214)	-oc+i	- ⁺ ts+i-(*χts+i) (ср. P 152)	re[ci]piendum, ta[ci]cito, aya[ci]centiis
-d-	d > δ (d > δ > ∅) (P 216)	-bd- -cd-	- ⁺ d-(*-βd-) - ⁺ d-(*χd-)	a[b]dipisendi (=adipiscendi) (д. 23, с. 70) tra[ci]diderit (д. 57, с. 141), tra[ci]ditorum (д. 62, с. 152)
-m-	?	-pm-	- ⁺ m-(*-φm-)	e[pm]ente (д. 41, с. 100)
-l-	Слияние с предыдущим гласным в результате его назализации (P 223)	-sl- -pl-	- ⁺ l-(*-χl-) - ⁺ l-(*-φl-)	re[cl]unians (д. 12, с. 40) se[pl]natus, Veiteia[pl]ni (д. 12, с. 41)

^а Греческие буквы, согласно принятой системе фонетических знаков, обозначают спиранты, знак z — звонкий склянт (рус. «з»), φ — выпадение звука. В скобках приведены номера параграфов. ^б В скобках рядом с примерами наиболее редких сочетаний указываются документ и страница издания, откуда взят пример, а рядом с типичными написаниями — число отмеченных случаев их употребления. В квадратных скобках — знаки эпитезы.

Т а б л и ц а 2 (продолжение)

Латинские графемы, употребляемые со знаками фонетического стыка (спиранта)	Результат эволюции соответствующих фонем в средневековой Ладве (по Рольфу и Лаусбергу) ⁵	Формы новых сочетаний	Фонетическое содержание новых сочетаний	Примеры написаний ⁶
-p-	p > v (p > v > θ) (P 207)	-pp-	- ^h p-(*-pp-)	o[pp]us, o[pp]ionibus, ca[pp]elanus
-r-	? (см. P 224)	-cr-	- ^h r-(*-χr-)	plu[cr]es (д. 12, с. 40)
-s-	s > z (P 211)	-x-(=cs-)	- ^h s-(*-χs-)	uxu (=usu), uxualis, prexide (=preside)
-t-	t > d > ð (t > d > ð > θ) (P 201)	-ht-	- ^h t-(*-βt-)	solubtu(m) (д. 27, с. 66; д. 28, с. 69; д. 41, с. 100; д. 44, с. 107)
		-ct-	- ^h t-(*-χt-)	do[ct]is (-ium) (не менее 14 сл.), vendi[ct]a (-am, -arum, -e, -is, -or, -oris) (52 сл.; д. 15, 16, 38, 40, 51)
-nt-	nt > nd (ср. Л 416; P 257, 258, S. 429)	-pt-	- ^h t-(*-φt-)	solu[pt]a (-um, -uros) (8 сл.), legi[pt]ime (24 сл.), dela[pt]o, prop[pt]ulit, rap[pt]a
-si-	si > s' > z (Л 459, 460; P 287)	-nct- -npt-	-n ^h t-(*-nyt-) -n ^h t-(*-nɛt-)	exce[nd]en[ct]em (д. 12, с. 40) volum[pt]atem, conten[pt]a, absen[pt]ibus
-ti-(-ci-)	ti > t'z' > ð'z' > z (z) (Л 252—254; P 290)	-xī-(=csi-)	- ^h si-(*-χsi-) (ср. P 280; Л 462)	ocaxione (=ocasiono) (не менее 7 сл.), occaxionibus
		-bci- -cti-	- ^h tsi-(*-ʒsi-) - ^h tsi-(*-χtsi-) (ср. P 291)	solu[ti]onem (д. 27, с. 84) re[ct]io, e[ct]iam, repeti[ct]io, vendi[ct]io- nis
-nti-	?	-npti- (-npci-)	-n ^h tsi-(*-nɛtsi-)	denun[pt]ioni, denun[pt]iatum (д. 12, с. 40)

Вставные знаки, которые Сабатини называет диакритическими и определяет как знаки активной артикуляции согласного, точнее можно определить как знаки приступа согласного, т. е. настройки органов речи, необходимой для его произнесения. Эта настройка, или приступ, могла быть сопряжена с произнесением переходного звука, глайда, что, вероятно, и отразили приведенные написания. Как это мы уже предположили в отношении эпентезы с в написаниях флорентийского документа — *cicta, cictadino, tucto, tucti*, — по-видимому, в написаниях *Вuonacfedede, Acbraccia* мы имеем дело с фиксацией глайда в виде легкого спиранта.

В силу общей тенденции к превращению закрытых латинских слогов в открытые упрощение латинских сочетаний согласных, через которые проходил слогораздел, приняло столь закономерный характер в произношении падуанских нотариюв, что, как уже было сказано, сами латинские графемы у них получили новое фонетическое значение. Любопытно отметить, что в их среду проникали и более строгие нормы латинского произношения, отдельные нотариюв пытались восстановить полную артикуляцию латинских сочетаний согласных звуков, но и у этих нотариюв соответствующие латинские графемы сохраняли свое новое фонетическое значение, т. е. употреблялись как знаки упрощенных сочетаний звуков. Так, нотариюв Цигл, сын Варнавы, употребляет знак *x* в значении глухого [s] в слове *gromixit*, а когда желает восстановить звучание латинского сочетания [cs] в произношении отдельных существительных, то передает это на письме новой графемой *sx*: *Beatrix, uscx, locatrix* (док. 70, с. 168). Подобным образом нотариюв Франциск, сын Якоба де Имасио, пытается сохранить в произношении трех важных терминов, *actus, fictus, pactum*, латинское сочетание *ct* и передает это на письме графемой *cct*: *acctus, ficctus, pacctum* (см. с. 60, 66, 71—73, 101, 107).

Оба нотариюв несомненно намеренно вводили фонетический стык между гласным звуком и сочетаниями согласных *cs* и *ct*, устанавливая тем самым, когда это касалось интервокальных сочетаний, новый слогораздел, т. е. как бы отодвигали все сочетание в следующий слог. Фонетический стык этого вида, сопряженный с изменением слогораздела, принято называть открытым.⁶¹ Искусственность приема определила его малую жизненность.

Применение знаков эпентезы *s*, *r* и *b* не было единственным способом отражения на письме фонетического стыка, который вводился ради сохранения правильной артикуляции латинских интервокальных согласных. Можно было уподобить на письме эти согласные латинским удвоенным согласным, разделившим на северо-востоке Италии судьбу латинских интервокальных сочетаний *ct*, *pt*, *cs* и *ps*: простые интервокальные согласные, в которые превратились бывшие латинские удвоенные согласные, тоже предваряются фонетическим стыком, обеспечивающим отступ гласного и приступ согласного.⁶² Удвоение на письме одиночных латинских согласных могло вполне

⁶¹ Hall R. A. *La struttura*. . . P. 47, 1.42.

⁶² Ср.: Lausberg II. § 491—493.

совпадать по своему фонетическому значению с применением вставных знаков *s*, *r* и *b*. Допустимо думать, что в Падуе XII—XIII вв. на месте начальной, замыкающей предыдущий слог части латинских геминат мог звучать глайд в виде слабого спиранта. В этом случае, например, первый элемент графемы *ff* должен был иметь то же самое фонетическое значение, что и знак эпентезы *r*. Тем не менее удвоение латинских согласных, нередко более шадящее графический облик слова, чем знак эпентезы, получило ограниченное применение в падуанских документах. Нотарии широко пользовались этим приемом лишь в отношении знаков плавных согласных *l* и *g*, о которых надо говорить особо, и знаков щелевых согласных *s* и *f*.

Относительно удвоения простого интервокального *s* следует напомнить, что в отличие от принятого у нас произношения в классической латыни *s* звучал как глухой звук. Это произношение *s* частично сохранилось в тосканском диалекте, глухой *s* звучит после бывшего латинского дифтонга *au*, стянувшегося в гласный *o*, и в современных говорах Венето.⁶³ Падуанские нотариусы применяли знак геминаты *ss* наряду с графемой *x*, при этом можно отметить определенное преобладание геминаты.⁶⁴ Систематически обе графемы применяются для передачи активного произношения глухого *s* в перфектных формах глаголов, в суффиксе *-esim-* порядковых числительных, в слове *usus* и производных от него и некоторых других словах.⁶⁵

В отличие от знаков щелевых согласных знаки смычных согласных в падуанских документах удваиваются редко. В единичных случаях, главным образом на границе морфем, бывают представлены как удвоенные звонкие смычные согласные: *subbire*, *subbisse* (док. 39, с. 96), *reddeundo* (док. 85, с. 202), *Aggate* (док. 72, с. 172). Столь же редко удваивается и *t*. Удвоенное *tt* вместо простого *t* применяют в написании слова *legitime* нотариусы Антоний и Энцелерий (с. 13, 15, 91, 98), тогда как обычно усиление артикуляции *t* в этом слове передается с помощью вставного знака *r*. В издании «Акты Падуи» ряд написаний док. № 70 представлен с удвоенным *tt*: *vendittam*, *utilitas*, *petti*. Но следует принять во внимание, что в оригинале документа графемы *ct* и *tt* не различаются. Нотарий пользуется знаком эпентезы *r* в написаниях *solupta*, *tenupta*, возможно, и графему *tt* в его письме скорее надо понимать как *ct*.

⁶³ Rohlf. § 210, 211.

⁶⁴ В противоположность латинским текстам в средневековых итальянских текстах знаком *x* обычно обозначался звонкий сибилант [z]. Ср.: *Borgogno G. B. Saggio sulle consonanti sibilanti in antichi testi dell' Italia settentrionale // Atti e memorie dell' Accademia Virgiliana di Mantova*. 1968. N. S. XXXVI. P. 3. — Весьма вероятно, что нарочитое применение в написаниях некоторых употребительных латинских слов вместо *s* знака *x*, которым подчеркивалась активная артикуляция *s* там, где в народном произношении она была ослаблена, явилось основой для его переосмысления в прямо противоположном смысле в итальянской письменности. Могло иметь значение и особое звучание сибиланта в часто употребляемой приставке *ex-* (ср.: Rohlf. § 210. S. 339).

⁶⁵ Ср. обычные для падуанских документов написания: *promixit*, *remixit*, *promixerant*, *promissit*, *promisserunt*, *compromisserunt*; *vigeximo*, *quadrageximo*, *vigessimio*, *quingagessimio*; *uxu*, *uxualis*, *uxufructuare*, *ussu*, *ussufructuare*.

Единичные примеры удвоения *t* в сопоставлении со многими десятками написаний, содержащих знаки эпентезы *s* и *p* перед *t*, лишь подчеркивают закономерный характер этих написаний. В отношении разных приемов передачи на письме усиленной артикуляции *t*, по-видимому, проявились сами свойства этой артикуляции. Вероятнее всего, нотариусы потому так редко применяли графему *tt* в этой функции, что она не имела соответствия в реальном произношении, и, напротив, частое применение графем *st* и *pt* подсказывалось особенностями самого произношения глухого интервокального *t*, а именно тем, что обычно артикуляция этого звука предварялась глайдом в виде спиранта определенного вида. Порою сам латинский удвоенный *t* уподобляется на письме сочетанию *ct*. В трех случаях, подобно тому как это мы наблюдали на примере раннесредневековых написаний, отмеченных Функе, графема *ct* употреблена вместо *tt* в формах глаголов, производных от *mitto*: *premititur* (док. 48, с. 115), *promictens* (док. 57, с. 142), *comictatur* (док. 64, с. 158). Многократно мы встречаем этого рода замену в формах глагола *attendere*: *actendere*, *actendat*, *actendendi*, *actendendis*. Эта графическая аномалия в формах глагола *attendere* могла поддерживаться аналогией со словами, начинающимися на *act-*, но все случаи этой аномалии не объяснить только ложной этимологией. Как уже было отмечено в отношении написаний *doctis* (= *dotis*), *dampnum*, *solempnis*, реальное произношение могло особенно сильно проявляться в графических формах наиболее употребительных слов. Таковым для падуанских документов является и слово *attendere*. Конечный согласный приставки, который здесь выступает как первый элемент удвоенного *t*, был одним из самых слабых звуков, и нотариусы нередко подчеркивали свое произношение этого звука, как, например, в написании *abserens* вместо *asserens* (док. 24, с. 62).

Обратный пример ассимиляции *ct* > *tt*, который представляют написания *ottavo*, *letto*, *ottubris*, *ottingentarum*, мы находим только в документах, написанных Франциском, сыном Якоба де Имасио. Для верной оценки этого явления в орфографии Франциска необходимо принять во внимание другие ее своеобразные особенности. Напомним, что, судя по написаниям отдельных слов, только Франциск пытался восстановить в своем произношении полную артикуляцию латинского интервокального сочетания *ct*. Вполне закономерно, что, помня о настоящем фонетическом значении графемы *ct*, он никогда не уподобляет на письме в отличие от многих других нотариусов одиночный интервокальный *t* сочетанию *ct*, хотя и употребляет знаки эпентезы *r* и *b*. Не находим мы у него и примеров уподобления одиночного *t* удвоенному *tt*. Весьма вероятно, что Франциск старался разграничить в своем произношении и его письменной передаче три разные, уподобившиеся одна другой латинские фонемы — *-ct-*, *-tt-*, *-t-*, — но делал это не всегда верно. Как на одну из возможных причин ассимиляции *ct* у Франциска укажем и на то обстоятельство, что его произношение могло в целом отличаться определенными сдвигами в фонетической структуре, как это мы предположили в отношении слогораздела.

Особого внимания заслуживают примеры употребления еще одного важного вставного знака — *h*. Хорошо известно, что звук *h* в интервокальном положении не звучал уже в архаической латыни, а в начале слова переставал звучать в классический период.⁶⁶ Он не оставил следа в итальянском языке. У наименее грамотного из падуанских нотариусов, Цанбонета из Виго д'Ардзере, формы письменной латыни которого в немалой мере определены свойствами местного итальянского произношения, знак *h* бывает опущен даже в наиболее характерных латинских словах, графический облик которых в большой степени зависит от наличия знака *h*, например в словах *habuit* и *huius: abuit, uius* (док. 80, с. 192). Такое слово, как *hortus*, очевидно, в силу его восприятия как своего итальянского падуанские нотариусы пишут всегда без *h*. И все же, за немногими исключениями, нотариусы, как правило, сохраняют *h* в начале слова и достаточно часто в середине. Это объясняется тем, что знак *h*, хотя в определенной мере уже утратил собственное фонетическое содержание, продолжал служить указанием на раздельную артикуляцию значимых звуков речи, предупреждал ненужное влияние артикуляции одних звуков на другие, иными словами, служил обозначением фонетического стыка.

На первый взгляд странными и необъяснимыми кажутся написания: *hopere* вместо *opere* (док. 7, с. 32), *homni* вместо *omni* (док. 24, с. 62), *hemptore* вместо *emptore* (док. 24, с. 63), *hostendum* (док. 39, с. 96), *hedificator* (док. 48, с. 113), *haprehendendi* (док. 61, с. 151) и т. д. Но смысл употребления *h* в этих словах станет вполне понятен, если принять во внимание, что слова, которые им предшествуют в тексте документов, либо оканчиваются на гласный (например, *aliquo, eumque*), либо представляют собой предлог или частицу, слитное произнесение которых со следующим словом грозило изменением звучания или даже выпадением согласного, как это происходило с согласными приставок. Таким же способом, очевидно, предотвращалось и слияние гласных внутри слова: *cohactus* (док. 16, с. 47), *cohoptera* (док. 57, с. 140).

Хотя *h* терял свое звучание еще в классический период, этот звук удерживался в школьном произношении до конца античности, о чем выразительно свидетельствует Августин, говоря о людях, прошедших школьную науку, что они вызовут большее возмущение, произнеся без придыхания слово *homo*, обозначающее человека, чем если бы они ненавидели человека (Исповедь, I, 18, 29). Маловероятно, чтобы у падуанских нотариусов самостоятельно употребляемый знак *h* обозначал настоящее придыхание. Тем не менее за этим знаком мог стоять определенный переходный звук, прежде всего спирант *χ*, артикулируемый как бы на исходе слога.

В. Вянянен постулирует для латинского языка необходимость переходного звука между двумя соседними гласными.⁶⁷ Такой переходный звук несомненно звучал в словах *mihi* и *nihil*, если они вообще

⁶⁶ Ср.: Тронский И. М. Историческая грамматика. . . § 76, 213.

⁶⁷ Väinänen V. Introduction. . . § 74—75. P. 44—45.

сохраняли свою фонетическую форму. Уже в античности в силу ослабления согласного *h* наблюдалось слияние двух гласных *i* в словах *mihi* (*mi*) и *nihil* (*nil*). Во избежание такого слияния гласных в произношении этих слов восстанавливали звук *h* вопреки общей тенденции к его полному угасанию. Об особой артикуляции восстановленного *h* свидетельствуют характерные для позднеантичной и средневековой латыни написания *mihi* и *nichil*.⁶⁸ Диграмма *ch* могла обозначать смычно-щелевой звук [kh], но если отнести первый элемент диграммы к предыдущему слогу, то, следуя реконструкции Лаусберга, за знаком *s* можно усмотреть палатальный спирант χ' без всякой смывки. Обозначением именно такого палатального спираанта считают М. Лойманн и А. Трайна диграмму *ch* в написаниях *mihi* и *nichil*.⁶⁹ Эти написания наряду с обычными *mihi* и *nihil* применяли и падуанские нотариусы XIII—XIV вв. Есть основания думать, что и для них графемы *ch* и *h* в двух этих словах одинаково могли обозначать палатальный спирант χ' .

Диграмма *ch* широко применяется в падуанских документах вместо графемы *s* для обозначения латинского гортанного глухого звука [k] как в сильной позиции в начале слова и в середине слова после согласного, так и в слабой интервокальной позиции.⁷⁰ Примером такого ее употребления могут служить написания: *chui*, *chodice*, *chanchando*, *locho*, *anticho*, *revochari*, *amichabiliter* и т. д. Не исключено, что второй элемент диграммы в Падуе в XIII—XIV вв. мог обозначать простой фонетический стык между *s* и следующим гласным или согласным звуком без фонемы стыка, но более вероятно, что он обозначал переходный звук χ .

Аспирированное произношение латинского *s* в сильной позиции сохранилось не только как эмфатическое во Флоренции, но и как вполне обычное, правда только в ударном слоге, на крайнем севере области распространения итальянского языка, в Тичино, и в говоре североитальянской колонии в Сицилии Сан Фрателло. Говоры с аспирированным произношением *s* перемежаются, как это представлено у Рольфса, с говорами, для которых характерно палатальное произношение [k'] перед гласными *a*, *o*, *u*: например, слово, соответствующее латинскому *sarga*, в Бергамских Альпах произносится *k'aura*, а в Тичино — *кхауга*.⁷¹ Палатальный [k'] засвидетельствован в средневековом Венето, звучит он и в современных говорах области Падуи.⁷² Весьма правдоподобно, что некогда в области Падуи

⁶⁸ См.: *Schuchardt H. Vokalismus des Vulgärlateins*. Leipzig, 1866. Bd I. S. 526; 1868. Bd III. S. 312.

⁶⁹ *Leumann M. Lateinische Laut- und Formenlehre*. München, 1977. § 178, III б; *Traina A. L'alfabeto e la pronunzia del latino*. Bologna, 1973. P. 5. — Ср. наблюдения Гайссендерфера, изложенные на с. 367.

⁷⁰ О графеме *ch* в качестве знака гортанного [k] в средневековой латинской письменности и в ранних памятниках романской письменности см.: *Schuchardt H. Vokalismus*. . . Bd I. S. 74; *Grafström A. Etude sur la graphie des plus anciennes chartes languedociennes avec un essai d'interprétation phonétique*. Uppsala, 1958. § 43, 2a. P. 119; § 45. P. 122—123; *Contini G. La posizione di «Eulalia» // Studi in onore di I. Siciliano*. Firenze, 1966. P. 252.

⁷¹ *Rohlf's*. § 151. S. 253.

⁷² Ср.: *Zamboni A. Veneto*. 8.2.1. P. 82.

наряду с палатальным [k'] в сильной позиции перед гласными а, о, и звучал аспирированный *ch* и что именно этот сложный звук средневековые нотариусы передавали графемой *ch*.

Можно предположить, что произношение, которое отражала графема *ch*, употребляемая в падуанских документах вместо простого знака *c*, представляло определенную альтернативу — в том что касается звука [k] в сильной позиции — палатальному произношению *k'*. Но скорее надо думать, что реконструируемое нами аспирированное произношение латинского *c* в средневековой Падуе представляло альтернативу другому фонетическому явлению, а именно, как и в Тоскане, переходу глухого *c* в звонкий *g*.

Как уже было отмечено, с переходил в звонкий *g* одинаково в Северной и Центральной Италии не только в слабой интервокальной позиции, но и в сильной позиции. Исходя из данных, которые приводит Гайссендерфер, можно заключить, что североитальянские нотариусы начали широко применять диграмму *ch* как обозначение латинского [k] в сильной позиции в каролингское время.⁷³ Возможно, это было отражением начавшейся в романском языке Северной Италии реакции на тенденцию к переходу глухого *c* в сильной позиции в звонкий *g*. Но как бы ни обстояло дело в каролингское время, в любом случае остается весьма вероятным, что в Падуе XIII—XIV вв. аспирированное произношение *c* представляло альтернативу его произношению как звонкого *g*.

Что же касается уподобления в падуанских документах простого интервокального латинского *c* аспирированному, то, очевидно, оно отразило свойство собственно латинского произношения Падуи, а именно характерный для него прием уподобления артикуляции согласного звука в слабой позиции артикуляции этого звука в сильной позиции. Надо только иметь в виду, что в последнем случае включение в произношение латинского слова дополнительного фонетического стыка, который, по нашим предположениям, стоял за вторым элементом диграммы *ch*, могло изменить ритм артикуляции таким образом, что *c* начинал произноситься на одном артикуляционном движении с предыдущим гласным и как замыкающий слог согласный превращался в спирант. Мы уже отмечали, что колебания в произношении интервокального *c* (то как аспиранты *ch*, то как спиранта *χ*) характерны для современного тосканского диалекта. Возможно, они вызваны именно такого рода сдвигами в ритме артикуляции.⁷⁴

Необходимо подчеркнуть, что, как и при самостоятельном употреблении между гласными или между согласной буквой предлога и начальной гласной следующего слова, *h* в сочетании с *c* выступал в универсальной функции знака фонетического стыка, обеспечивающего самостоятельную артикуляцию значимых звуков речи, пре-

⁷³ Geißendörfer D. Der Ursprung... S. 73.

⁷⁴ К сожалению, в известных нам работах, затрагивающих произношение интервокального *c* в Тоскане, ничего об этом не говорится, что можно объяснить известной трудностью обнаружения слогораздела в живой речи.

дупреждающего нежелательное влияние артикуляции одних звуков на другие. Особенно отчетливо эта функция знака *h* видна в написании *chlama vit* (док. 81, с. 193). Если бы за *h* в этом написании не стоял фонетический стык, то, согласно закономерностям падуанского диалекта XIV в., сочетание *ci* при слитном произношении должно было перейти в [dž].⁷⁵

В качестве знака фонетического стыка *h* применяется в падуанских документах и в сочетании с другими согласными, подверженными тенденции к ослаблению артикуляции. Он встречается после начального *t*, оказавшегося между гласными на границе двух слов: *se thueri* (док. 15, с. 46), *una theite* (док. 18, с. 51), а также и после *g* на границе морфем: *perhentoria* (док. 39, с. 94), *perhentoriis* (док. 56, с. 135), *superhedificata* (док. 18, с. 51). Типичным для падуанских документов является написание *nihilhominus*.

В заключение приведем пример, который особенно хорошо показывает, как знаки фонетического стыка служили исправлению неверного и поддержанию правильного произношения при проговаривании латинского текста, про себя или вслух, в процессе его написания. Нотарий Николай Ультрамариин (док. 57) дважды употребил ошибочную форму, допустив слияние двух одинаковых гласных: *soepertis* (=соопертис) (с. 140). Употребив вновь то же слово, он исправил его форму, при этом вставил между гласными знак *h*: *sohoperta* (с. 140). Но затем вновь ошибочно написал *soepertis* (с. 141) и опять ниже тем же способом исправил форму этого слова, добавив второй знак *h* между согласным *s* и следующим гласным: *chohoperta*. Далее следует написание *choopertis* (с. 141).

В. Г. КАРЦОВНИК

ФРАГМЕНТ БАН Fr. 0.8 И ПРОБЛЕМЫ МУЗЫКАЛЬНО-ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ОФФИЦИЯ НИКОЛАЮ МИРЛИКИЙСКОМУ

Небольшой лист пергамена,¹ хранящийся в Библиотеке Академии наук под шифром Fr. 0.8, — один из древнейших латинских певческих манускриптов собрания. На обороте фрагмента сохранились три текста, переписанных в разное время. Первый из них — евангельская перикопа,² второй — копия правового документа, сообщающего, что некто *Rûthardus*³ является покупателем земли недалеко

⁷⁵ *Ineichen G.* Die Paduanische Mundart. . . S. 98.

¹ Описание фрагмента см. в кн.: *Киселева Л. И.* Латинские рукописи Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1978. С. 233.

² *Evangelium secundum Lucam* 19 : 12—26.

³ Как в этом случае, так и далее сохранено оригинальное средневековое написание. Второй текст фрагмента выпвел и почти не поддается прочтению. Приводимые здесь сведения основаны на данных специальной фотосъемки.